

Окунув лицо в воду на несколько мгновений, он немного успокоился, несколько мокрых прядей волос прилипли к лицу, и он снял ленту, распустив волосы.

Когда он вернулся в келью, Лин Цзюнь уже был там, пурпурная ряса аккуратно сложена на кровати, а на столе кипел чайник на маленькой печке.

Услышав звук открывающейся двери, Лин Цзюнь отложил свои дела и обернулся, увидев его с мокрыми волосами и воротником, его выражение слегка изменилось, и он быстро накинул на него рясу.

— Нельзя, это пурпурная ряса, подаренная императором... — Сы Хуай взял руку, лежащую на его плече, почувствовав тепло, и смущённо убрал её.

Лин Цзюнь не заметил его смущения, усадил его за стол и начал ворчать:

— В горах ночью холодно, ты вышел, не надев ничего теплее, как ты умудрился промокнуть...

Сы Хуай, слушая его, действительно почувствовал холод, протянул руку к печке, чтобы согреться, и вдруг рассмеялся.

Люди говорили, что наставник Шэнчань свят и непорочен, спаситель с бесчисленными заслугами, и он сам когда-то так думал, но, проведя с ним время, понял, что он всё же обычный человек, способный на такие же ворчливые речи.

Лин Цзюнь перевернул чашку, налил в неё горячий чай, покрутил и вылил в таз, затем снова наполнил чашку и протянул Сы Хуаю.

Он взял лежащий рядом свёрток, развернул его, и внутри оказалась жареная курица, пропитанная маслом, ещё тёплая.

Сы Хуай поднял бровь, удивлённо взглянув на Лин Цзюня, обычно он не обращал внимания на его желание поесть мяса, но сейчас они в храме...

— Настоятель узнает и скажет, что я нарушил правила монастыря...

— Его Высочество наследный принц знает, что ты здесь, и специально отправил людей на заднюю гору, чтобы приготовить курицу для тебя, — Лин Цзюнь сделал вид, что смотрит в окно, шутя. — Не беспокойся, настоятель уже спит, не придёт тебя ругать.

Сы Хуай услышал слова «Его Высочество наследный принц», и его руки, протянутые к курице, снова опустились, его лицо, только что посветлевшее, снова потемнело, в сердце зашевелились муравьи.

— Что случилось? Ты ведь обычно это любишь, — Лин Цзюнь подошёл и дотронулся до его лба. — И не заболел.

— Ничего... — Сы Хуай отклонился от его руки, пробормотав. — Просто думаю, как наследному принцу повезло, что наставник Лин Цзюнь возложил на него корону и может обсуждать с ним священные тексты.

Лин Цзюнь понял, что он капризничает, улыбнулся, сказав, что он всё ещё ребёнок, и терпеливо объяснил:

— Я и с тобой много раз обсуждал буддийские учения, но ты не хотел слушать. Что касается

церемонии... у практикующих нет таких ритуалов, если ты хочешь пройти через это...

Он замолчал, повернулся к кровати, взял что-то и медленно вернулся.

Это был нежно-зелёный нефритовый венец с резьбой, с нефритовой шпилькой, излучающей элегантность.

— Это... откуда?

— Не украл, не выпросил, — Лин Цзюнь улыбнулся. — Церемония совершеннолетия — это возложение короны, но ты бессмертный, так что венец подойдёт. Я, как старейшина, наблюдавший за тобой, могу ли я удостоиться чести уложить твои волосы?

— А? — Сы Хуай не сразу понял, кивнул, позволив ему разгладить спутанные волосы и убрать их за спину.

Лин Цзюнь встал сзади, аккуратно собрал чёрные волосы, оставив половину, и закрепил их в пучок, надев венец и закрепив шпилькой.

Только тогда Сы Хуай понял, что происходит, оцепенев, повернулся к нему, встретившись глазами с Лин Цзюнем, который смотрел на него с улыбкой.

Лин Цзюнь был просветлённым монахом, с чистым и светлым лицом, словно вышедшим из алтаря Будды, даже его душа была окутана золотым светом.

Но, увидев своё отражение в его глазах, Сы Хуай вдруг растерялся, на мгновение ему показалось, что перед ним не великий наставник, а обычный человек с чистым лицом.

— Я... я сегодня ночью вернусь в свою комнату...

Сердце в груди забилось быстрее, Сы Хуай бросил эту фразу, сбросил с себя рясу, пахнущую его запахом, и быстро выбежал из комнаты.

Когда Сы Хуай только прибыл в храм Минхуа, у него была своя комната, но через несколько дней он перебрался в келью Лин Цзюня, и тот не выгнал его, позволив остаться на год.

Позже он отправился с Лин Цзюнем в путешествие, и его комната опустела, её использовали для новых учеников, и только недавно её снова убрали.

Но он привык быть рядом с Лин Цзюнем, и, свернув постель, снова перебрался в его келью, и только сегодня впервые вернулся в свою комнату.

Неизвестно почему, но он, обычно легко засыпающий, сегодня никак не мог уснуть, закрывая глаза, он видел только улыбающееся лицо Лин Цзюня.

Лишь к полуночи он наконец заснул, и во сне он шёл в пустоте, окружённой тьмой, вокруг не было ни звука.

Он знал, что это сон, но не мог проснуться.

Шёл он неизвестно сколько, пока свет не разорвал тьму, и перед ним появились две дороги.

Одна вела вверх, к облакам, по бокам росли белые цветы мандара, а в конце стояла богиня, окутанная светом.

Другая вела вниз, в бездну ада, по бокам росли красные цветы маньчжусака, а в конце слышался плач призраков, и там стоял Лин Цзюнь.

В буддийских текстах говорилось, что мандара и маньжусака — это один и тот же цветок, только белый был взят на небеса, а красный — в ад, на Дорогу Жёлтых источников.

Этот странный сон, вероятно, был частью его духовного пути, вверх — путь к просветлению, вниз — путь к падению.

Но... на той дороге, ведущей в ад, стоял Лин Цзюнь.

Сы Хуай оглянулся на разрушающуюся дорогу позади и, не раздумывая, побежал вниз.

Цветы маньжусака были красны, как кровь, человек в конце обернулся и улыбнулся, но он становился всё дальше, пока не растворился в пустоте, и из тьмы вырвалось пламя, поглотив его.

— Лин Цзюнь! — Сы Хуай закричал, просыпаясь, и сел на кровати. Он потёр лицо, стирая холодный пот, и его сознание вернулось из сна в реальность.

Окно было открыто, ночной ветер был холоден, он босиком подошёл к столу, налил воды в темноте и успокоился.

Практикующие иногда входят в медитацию на важном этапе своего пути, и, если повезёт, могут найти духовный мир, где преодолеют препятствие.

Сы Хуай проверил свои духовные силы, но не почувствовал изменений, не зная, был ли это сон или случайное попадание в духовный мир.

Если да... значит ли это, что Лин Цзюнь — его испытание на пути к просветлению.

Но... он стал человеком ради мирской жизни, а просветление... кажется, только потому, что Лин Цзюнь сказал, что он бог.

— Лин Цзюнь... — он снова прошептал это имя, чувствуя, как в груди разгорается огонь, что-то пробивалось сквозь его сердце, укореняясь.

<http://bllate.org/book/16805/1545874>